

Журналъ

ВЕРШОКЪ

Литературно-художественный

№ 22.

Апрѣль

1915 г.

А. Н. Скрябинъ.

КОЛЬЦО.

Нась буря хаоса качала,
 Но вотъ огонь и вихрь кольца
 Повсюду каждый мигъ—зачала
 И распаденья безъ конца.

Кольцо планеть неизмѣримо,
 Но жизнь мгновенная моя,
 Любовь и мысль не льются мимо
 Лазурной чаши бытія

Я для единой съ міромъ цѣли
 Явилъ въ стихахъ свое лицо
 Иначе-бъ звѣзды не горѣли
 И разомкнулось бы кольцо.

Александръ Рославлевъ.

ФИАЛКА.

РАЗСКАЗЪ.

«Фиалка—весеннее растение. Ни один цвѣтокъ не доставляетъ намъ столько радости, какъ первыя весеннія фиалки: онѣ являются намъ вѣстниками желанной весны».

Изъ учебника ботаники.

I.

Учитель математики Колмаковъ поздоровался съ начальницей гимназiи, войдя въ ея кабинетъ, находившійся рядомъ съ учительской.

— Миѣ очень нужно поговорить съ вами, Софья Павловна.

Начальница улыбнулась; ея широкое, толстое, красное лицо раздалось въ стороны, сѣрые глаза спрятались въ узкихъ щелочкахъ.

— Пожалуйста, Аванасiй Васильичъ, очень рада.— Пухлой, бѣлой рукой, на которой многочисленными подвѣсками звякнулъ золотой браслетъ, она показала на стулъ у письменнаго стола.

Заходя поднятымъ лѣвымъ плечомъ, Колмаковъ подошелъ къ стулу. Начальница отложила въ сторону лежавшую передъ нею на столѣ вѣдомость и, глядя на лицо учителя,—лицо бритой обезьяны, приготовилась слушать.

— Я опять по поводу Баланиной,—Колмаковъ дернулъ лѣвымъ плечомъ,—прямо невозможно!

Начальница вздохнула.

— Ахъ, какъ это миѣ неприятно, если-бъ вы знали! Я даже вызвала сегодня ея дядю. Такая безразличная дѣвочка! Можно, конечно, уволить, но, вѣдь, мы призваны воспитывать, влiять благотворнымъ образомъ на характеръ учащихся... Ахъ, я всегда противъ увольненiй!

Начальница сказала неправду: она съ удовольствiемъ уволила бы Баланину изъ гимназiи, но дядя ея—подрядчикъ, а съ нимъ у начальницы прочныя, давнишнiя отношенiя, которыя увеличиваютъ казенное ея жалованье.

— А сегодня я вотъ что получилъ.—Колмаковъ сунулъ руку въ боковой карманъ длиннополага, форменнаго сюртука и досталъ письмо.—Пожалуйста, прочтите.

Кончиками пальцевъ начальница брезгливо взяла конвертъ и вытянула изъ него листокъ синеватой бумаги.

«Многоуважаемый Аванасiй Васильевичъ!—тщательно было выведено крупнымъ, полудѣтскимъ почеркомъ,—простите, что рѣшаюсь въ третiй разъ писать Вамъ, но Вы не отвѣтили на два моихъ письма и я не знаю, дошли они до Васъ или нѣтъ. Миѣ очень нужно поговорить съ Вами, а потому прошу

Васъ быть завтра въ девять часовъ вечера у памятника Пушкина. Извѣстная Вамъ ученица 6-го класса В. Баланина».

— Она вамъ назначаетъ rendez-vous?!—съ негодованiемъ произнесла начальница, вкладывая письмо въ конвертъ.—Это возмутительно! Такая испорченность! И это дѣвушка шестнадцати-семнадцати лѣтъ.

Колмаковъ мотнулъ головой.

— Вотъ именно!—Онъ былъ возмущенъ тѣмъ, что свиданiе назначала ему некрасивая и небогатая гимназистка. Если бы на ея мѣстѣ была болѣе привлекательная и изъ хорошей семьи—онъ отправился бы на свиданiе съ удовольствiемъ: у него была тайная дѣль—найти среди ученицъ хорошенькую и богатую невѣсту.

— Я вызвала сегодня ея дядю и попрошу его внушить ей! А письмо это будьте добры оставить. Я представляю его въ качествѣ вещественнаго доказательства...

Колмаковъ ушелъ на уроки, а начальница задумалась о томъ, какъ трудно въ настоящее время быть руководительницей молодежи и какая это неблагоприятная роль.

Черезъ часъ послѣ ухода Колмакова ей доложили о Баланинѣ.

Лицо подрядчика было спокойно и въ глазахъ поблескивалъ лукаво-веселый огонекъ. Незвѣстно было, зачѣмъ его вызвали къ начальницѣ, но—по примѣру прошлыхъ дней—въ душѣ его жило непоколебимое убѣжденiе, что всякую неприятную исторiю можно прекратить и для всякой грозовой тучи въ его старомъ, потертомъ, засаленномъ бумажникѣ, есть хорошiй громоотводъ.

— Я пригласила васъ по поводу вашей племянницы, Варвары Баланиной—сказала ему начальница.—Вы ей ближайшiй родственникъ?

— Такъ-съ точно.

— Родителей у нея нѣтъ?

— Папаша скончался, а мать—извѣстно—дура, ни до чего касанiя не имѣетъ. Гдѣ требуется замѣсто родителей—я, какъ я есть опекунъ.

Начальница помолчала, постукивая выхоленными пальцами по конверту съ письмомъ.

— Къ моему глубокому сожалѣнiю, я должна заявить вамъ, что ваша племянница очень, очень плохо себя ведетъ. Нѣсколько разъ она обращалась къ нашему преподавателю математики Аванасiю Васильичу Колмакову то при помощи записочекъ, то двумя письмами и... и высказывала ему свои... чувства. Господинъ Колмаковъ заявилъ объ этомъ миѣ, чтобы я, какъ начальница, приняла свои мѣры. Я

рѣшила, что самое лучшее—это поговорить съ вами, чтобы не примѣнять къ вашей племянницѣ крутыхъ мѣръ исправленія, ну, на примѣръ, уволить изъ гимназіи. По моему, въ данномъ случаѣ гораздо радикальнѣе могутъ оказаться мѣры домашняго внушенія. Не такъ ли?

— Извѣстно!—Баланинъ крикнулъ.—Я уже ей внушу!

— А сегодня я получила отъ господина Колмакова третье письмо къ нему вашей племянницы. Она вызываетъ его завтра на свиданіе къ памятнику Пушкина.

— Это который на бурвалѣ?

— Да.

Начальница подала ему письмо.

— Вотъ. Прочтете потомъ, возьмите его съ собою.

— Покорнѣйше благодаримъ!

Баланинъ запряталъ письмо глубоко въ широкій карманъ сюртука.

— Я ей... тово... пропишу!

— Вы понимаете, что это дѣло очень щекотливое и гораздо лучше ближайшимъ роднымъ позаботиться о томъ, чтобы подобнаго не повторялось. Вы меня понимаете?

— Хорошо понимаю. Я подѣйствую, Софья Павловна, будьте спокойны.

— Вотъ и прекрасно. Это лучше, чѣмъ увольнять.

— Извѣстно. Зачѣмъ увольнять! Уволнять что! Мы сладимъ. Покорнѣйше благодаримъ!

Выйдя на улицу, Баланинъ вытащилъ изъ кармана письмо и, хмурясь и выпячивая красныя, толстыя губы, прочиталъ его дважды.

— Такъ-съ! Ахъ ты, х-халера! Ладно!

II.

Въ перемѣну, передъ урокомъ алгебры, Варвара Баланина, маленькая, косоглазая, кривобокая, волнуясь, ожидала прихода Колмакова. Онъ получилъ ей письмо. Онъ ей сегодня отвѣтитъ. Взглядомъ, улыбкой—отвѣтитъ. Онъ—лучшій, самый прекрасный, самый свѣтлый изъ людей, самый благородный! О, какъ она его любитъ! Надъ нимъ смѣются, ему даютъ прозвища, ему перваго апрѣля послали открытку—осла съ большими ушами и надписью—«вашъ портретъ». Пусть! Развѣ его понимаютъ? Развѣ могутъ понять его Буракова или Московкина, которыя влюблены въ юнкеровъ? Онъ одинокій, гордый, великій человѣкъ.

Въ классѣ звенѣлъ гомонъ дѣвчечьихъ голосовъ. Перекликались, смѣялись, бубнили.

— Душка, какъ рѣшается задача?—торопливо спросила Баланину Московкина.—Я ничего не знаю, а орангутангъ сегодня спросить.

— Не знаю—отвѣтила Баланина, очнувшись отъ мыслей о Колмаковѣ.

— Ну-у?—Московкина крикнула звонко:—Машерочки, помогите рѣшить задачу! Погибаю!

Она подпрыгнула, прищелкнула пальцами и, взглянувъ на дверь, юркнула въ проходъ между партами. Въ классѣ входилъ Колмаковъ.

Сердце Баланиной забилось порывистыми толчками, дыханіе стало тревожно-глубокимъ. Она смотрѣла мерцавшимъ, прекраснымъ взглядомъ на лицо учителя, стараясь прочесть на немъ какой-нибудь отвѣтъ для себя, но губы Колмакова были плотно сжаты, а глаза холодно смотрѣли въ журналъ.

— Госпожа... Московкина!—вызвалъ онъ скрипучимъ, неприятнымъ голосомъ.

Московкина быстро вышла къ столу, присѣла и скороговоркой сказала:

— Я не знаю урока, Аѳанасій Васильичъ.

— Почему?

— Голова болитъ.

— Ы-гым!.. Довольно! Единица.

Московкина всхлинула и, закрывъ лицо руками, пошла на мѣсто.

— Госпожа... Баланина.

Баланина задыхалась. Лицо ея покрылось неравными красными пятнами. Она стала у доски, перебирая дрожащими руками края передника.

— Задачу!

— Имѣются два сплава золота и серебра—начала Баланина, беря въ руки мѣлъ.—Въ одномъ эти металлы смѣшаны въ отношеніи $m : n$, въ другомъ въ отношеніи $p : g$.—Она замолчала. Задача исчезла изъ памяти, исчезли цифры, рѣшеніе, все исчезло: было предъ глазами только любимое лицо. Хотѣлось безмолвно смотрѣть на него, смотрѣть безконечно, не отрываясь.

— Что же вы, госпожа Баланина?.. Что вы остановились?

Она молчала.

— Вы не знаете урока?.. Что же вы молчите?.. Что? Молчаніе.

— Я знаю урокъ—тихимъ, прерывистымъ голосомъ сказала Баланина.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Отвѣчайте.

— Я не могу.

Колмаковъ язвительно улыбнулся.

— Такъ-съ! Знаете, но не можете отвѣчать. Превосходно!

На партахъ раздалось негромкое хихиканье.

— Итакъ, вы не можете отвѣчать? Грустно! Единица.

Баланина стояла, съ удивленіемъ глядя на Колмакова и не понимая его ехиднаго, издѣвательскаго тона, раненая имъ въ душу.

— Что же, госпожа Баланина? Достаточно-съ! Садитесь! Но знайте, что эта единица—Колмаковъ показалъ пальцемъ на журналъ—отразится на годовомъ баллѣ, а недалеко экзамены.

Опустивъ голову, Баланина пошла къ партѣ и едва досидѣла въ классѣ до конца урока, глотая слезы.

Дома за обѣдомъ дядя сурово смотрѣлъ на нее и молчалъ. Мать, чувствуя, что произошло что-то, безпокойно перебѣгала встревоженными глазами съ дочери на опекуна. Баланина ничего не ѣла и въ тяжкомъ предчувствіи ждала чего-то, что должно случиться. Смущала напряженная суровость, съ какою опекунъ взглядывалъ на нее.

Послѣ обѣда опекунъ остановился на порогѣ столовой и, повернувъ голову, сказалъ отрывисто:

— Марѳа Степановна и Варвара! Идите ко мнѣ. Разговоръ есть.

Мать и дочь вошли въ комнату Баланина. Онъ притворилъ дверь и, сѣвъ къ столу, угрюмо началъ:

— Сегодня начальница звала къ себѣ на счетъ ее, — онъ кивнулъ на племянницу.

— А что? — затревожилась мать. — Случилось что?

такъ и начальница сказала. Всыпьте ей, говорить, хорошенько, чтобы помнила.

— Что же я могу, Прокопъ Петровичъ? Ну, я поругаю.

Баланинъ презрительно фыркнулъ.

— Х-мъ, поругаю. Да развѣ... Эхъ, много вы понимаете!

— Ну, вы сами, Прокопъ Петровичъ, — боязливо и просительно сказала старуха. — Вамъ видѣе.

«Въ Горахъ».

Рис. Покаржевскаго.

— Случилось. То случилось, что дочка ваша къ учителю приѣхала, какъ банный листъ, какъ послѣдняя шлюха. Вотъ что!

— Что вы, Прокопъ Петровичъ, что вы, Богъ съ вами! — замахала руками старуха Баланина. — Что вы! Варюша чтобъ такими дѣлами стала заниматься!

— Разъ говорю такъ, значитъ вѣрно! — отрѣзалъ Баланинъ. — Вотъ и цедулка ейная. — Онъ досталъ письмо. — Послушайте, ежели хотите, — я вамъ прочитаю.

Старуха повѣрила. Съ ужасомъ глянула на дочь и всплеснула руками.

— Варюша, побойся Бога! Что же ты это? А?

Варя сидѣла, опустивъ голову и плечи.

— Учить надо, вотъ что! — отрѣзалъ Баланинъ, —

— Ладно, такъ и быть. Выйдите.

Старуха встала, но не уходила.

— Выйдите, выйдите!

— Можеть мнѣ можно посидѣть?

— Нечего тутъ! Выйдите!

Озираясь на дочь, [старуха вышла и, вздохнувъ, перекрестила закрытую дверь, за которой остались дочь и опекунъ.

— Ты что это! А? — загремѣлъ его голосъ — Шлѣндра!

— Не смѣете! — крикнула пронзительно и испуганно Варя.

— Для твоей пользы.

— Потерпи, Варюша, — плачущимъ голосомъ сказала мать, — дядя тебѣ добра хочетъ.

III.

Поздно ночью старуха нашла дочь на скамейкѣ въ саду, спускавшемся къ рѣкѣ. Варя сидѣла, словно каменная, безъ слова, безъ движенія. Старуха хотѣла сказать дочери что-нибудь ласковое, утѣшительное, но не нашлось такого слова, которое передало бы, что чувствовала она. Она молча обвила голову дочери и, плача, стала цѣловать ея волосы. И вся ея жизнь, горькая и скорбная, со злымъ, бившимъ ее мужемъ вспомнилась, и сердце раздиралось невыносимой тоской.

— Онъ, подлець, далъ твое письмо начальницѣ,— шепнула старуха,— ну, скажемъ такъ, писала— писала, мало ли что не бываетъ, а онъ, проклятый...

— Неправда!

— Что неправда? Что самъ письмо далъ? Поди спроси!

Это было невозможно, ужасно, непереносимо. Онъ не могъ сказать начальницѣ. Онъ—честный, благородный... Нѣтъ, нѣтъ!.. А вдругъ?

Острое жало этой мысли впустило въ сердце отраву. Варя оживилась. Она не могла ждать до завтра. Она должна узнать сейчасъ.

— Ты, куда?—спросила мать, когда она встала.

— Я... такъ просто...—невнятно отвѣтила Варя; она уже знала, что сегодня ничего не можетъ спросить, поздно, а завтра, завтра...

Она не спала въ эту ночь. Варя, не раздѣваясь, ходила въ своей каморкѣ и, не выдержавъ, выскользнула осторожно на улицу въ наброшенномъ на плечи темномъ платкѣ. Сила непреградная гнала ее въ Лермонтовскую улицу, туда, гдѣ стоялъ свѣтлый домикъ, въ которомъ жилъ Колмаковъ.

Было тихо на улицѣ и ясно отъ чистаго, нѣжнаго мѣсяца, стоявшаго высоко въ темномъ небѣ. На тротуарахъ лежали густыя, черныя тѣни, а мостовая свѣтлѣла и яркими, голубыми полосками отливали рельсы коначнаго пути.

Баланина остановилась передъ домомъ. Спать, должно быть сейчасъ Аѳанасій Васильичъ. Она не знала, въ какой сторонѣ его окно, и каждое опривчивала больной, мысленной лаской. Если бы онъ зналъ, какъ она его любитъ, любить и теперь, послѣ побоевъ опекуна, которые жгутъ огнемъ душу, любить крѣпче, глубже, до послѣдней мысли, до послѣдняго уголка въ душѣ.

Издали донесся стукъ колесъ. Кто-то ѣхалъ. Варя стала, прислушиваясь, у дерева. Стукъ приближался. Изъ-за угла показался извозчикъ, протарахтѣвъ по мостовой и остановился у крыльца. Сердце Вари вздрогнуло и на мгноенье остановилось: она узнала Колмакова.

Онъ расплатился съ извозчикомъ и сталъ подниматься по ступенькамъ крыльца.

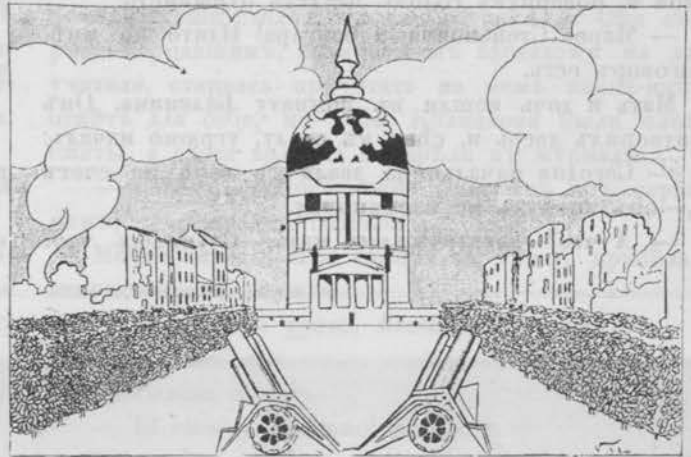
— Аѳанасій Васильичъ,—кликнула Варя.

Онъ вздрогнулъ и испуганно оглянулся.

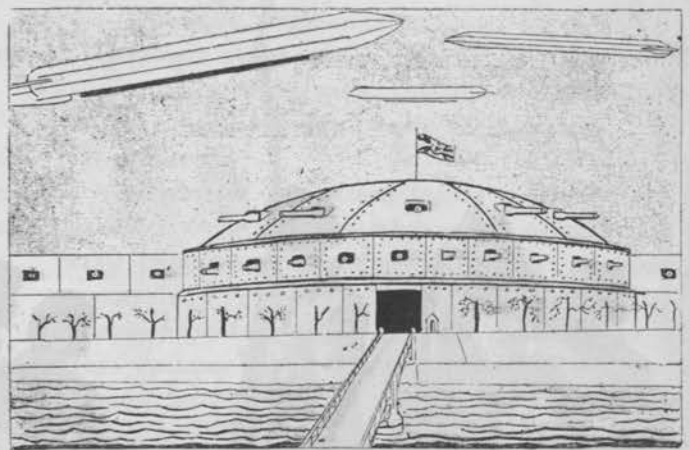
— Кто это?

— Я...

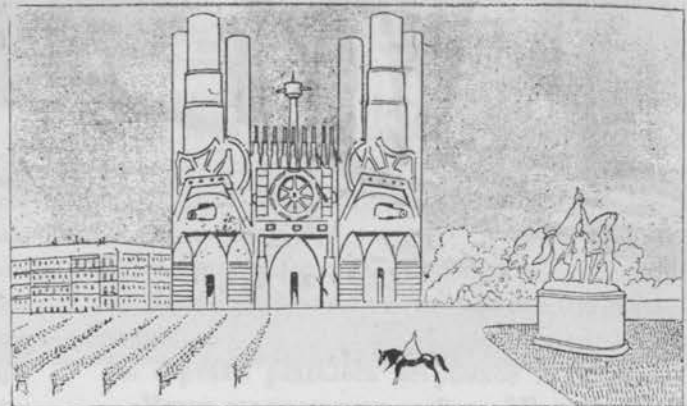
Какъ нѣмцы преобразили-бы Парижъ.

Часовня Пивалодовъ.

Лувръ.

Нотр-Дамъ.

Муленъ-Ружъ.

Варя подошла къ нему. Онъ взглядылся въ ея лицо, узналъ и сердито заговорилъ:

— Да что вамъ, собственно, въ концѣ-концовъ, угодно? Какого чорта, въ самомъ дѣлѣ, лѣзете?

— Вы передали мое письмо начальницѣ?—спросила Варя дрогнувшимъ и сейчасъ же окрѣпшимъ голосомъ, а въ груди ея что-то оборвалось послѣ его крика.

— Да, передалъ и буду передавать, а если вы

меня сейчасъ не оставите въ покоѣ, я васъ въ участокъ отправлю! Миѣ, чортъ дери, надоѣло!

Онъ сильно дернулъ ручку звонка. А Варя сдѣлала два шага вдоль тротуара и вдругъ быстро побѣжала. Ей было страшно, и она не знала, куда бѣжать. А мысли, какъ кроваво-раненыя бѣлыя птицы, метались въ мукѣ, которой нѣтъ еще названія, нѣтъ слова на человѣческомъ языкѣ, нѣтъ и не будетъ.

Л. Доброправовъ.

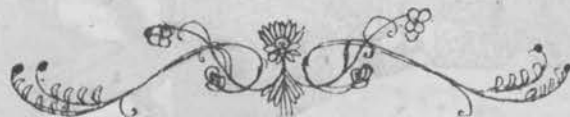

ВЕСЕННЕЕ.

Пригуляла кура съ кочетомъ,
Снесла яйцо подъ корыто
И кудахчетъ во всю мочь о томъ:
«Не зря-де сѣялось жито,
«Не зря самъ Егоръ за узду
«Водилъ слѣпую клячу
«Подъ борону, въ борозду
«Отъ воронъ зерна пряча...
«Не напрасно кузнецу плочено—
«Серпы жали знатно,
«Просушено, обмолочено,
«На мельницу вожено и обратно...
«Пускай на рубль жита склевано
«Въ зимушку долгу,
«Подъ корытомъ гнѣздо облюбовано—
«Получай двѣ копейки долгу!
«Ой, деревенская улица,
«Ой, загуменя да задворки». —
Вотъ какая справедливая курица
На дворѣ у Егорки!...—
Разстроилась баба Егорова,
Не донесла поила коровамъ,
Пнула ногой борова,

Выбранилась нехорошимъ словомъ...
Почала срамить хохлатую:
«Дура, ты, дура!..
«У сосѣдки, почитай, пятую
«Недѣлю несетъ кура,
«Сосѣдъ въ городъ сvezь, поди,
«Яицъ третье лукошко,—
«Ты-же только благослови Господи,
«А гаму хоть закрывай окошко,
«Словно не яйцо тебѣ, а кладь снести
«Удалось рублей во сто—
«Нѣтъ въ тебѣ деликатности,
«Не справедливая ты, а хвастунья просто!»
Шумъ да ругань на всю улицу,
Вотъ-вотъ сейчасъ подерутся,
Кура бабу, баба курицу,
А скворцы съ березы смѣются.
И дѣло то вѣдь плевое—блажь одна,
Ну не праведно-ли говорится,
Ну не вѣрно-ли у старыхъ сложено,
Что баба—не человѣкъ, а курица—не птица?..

Валентинъ Горанскій.

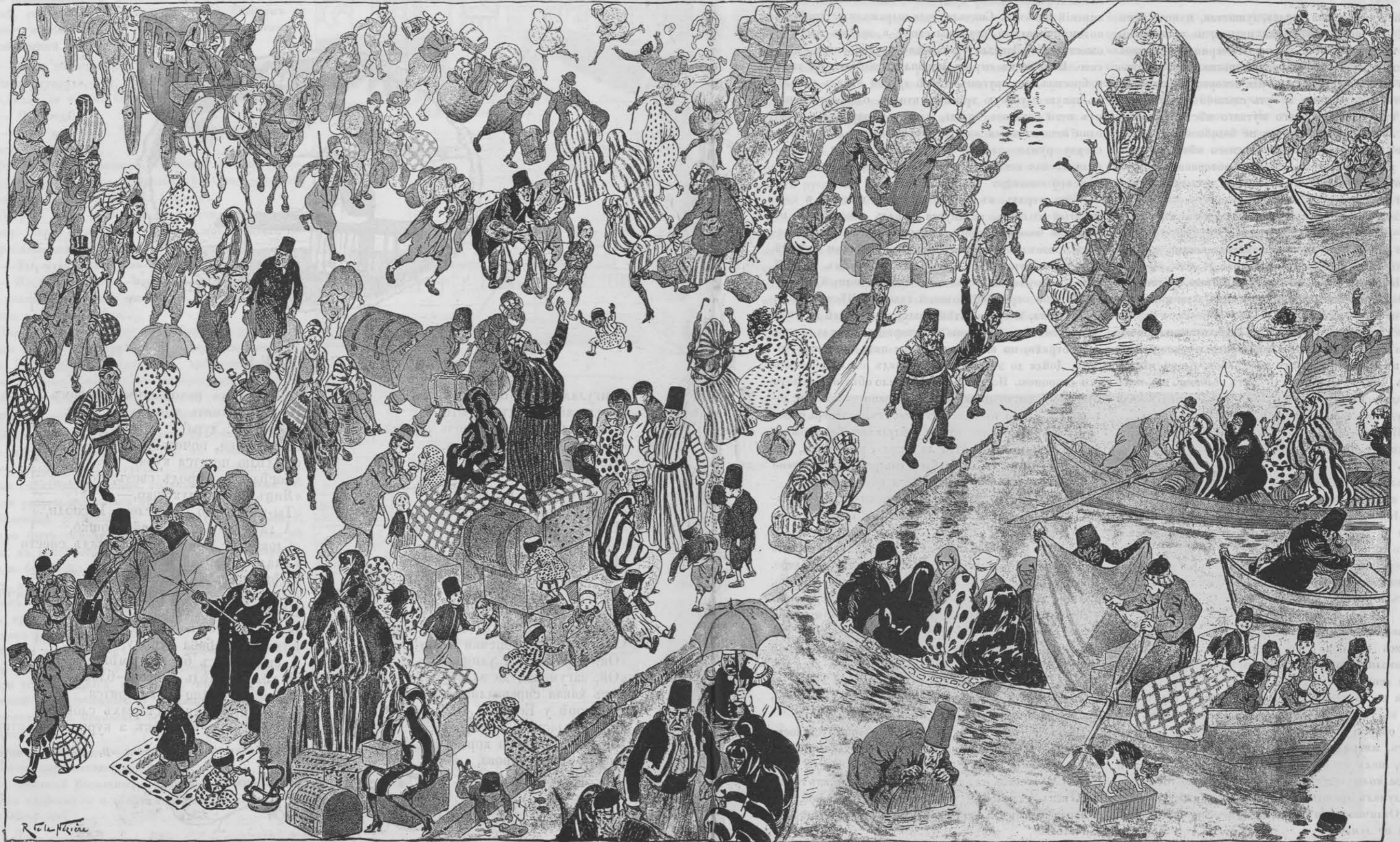
В О Л Ч И Ц А.

То было раннею весной. Онъ былъ такой веселый, живой, простой, когда отрядъ расположился на привалъ. Было тогда такъ тепло и тихо на полѣ, и несмотря на вечеръ, не было

ни тумана, ни росы. Сумеречно было небо, и темно поле, только въ глубокой синевѣ небесной свѣтилась надъ горизонтомъ узенькая, острая, яркая полоска. Всѣ они были нѣмцы, и онъ былъ нѣмецъ, и ему

казалось даже временами, что это онъ ушелъ съ товарищами въ далекую прогулку. И совсѣмъ какъ дома, онъ нашелъ себѣ тутъ забаву. Онъ потѣшался тѣмъ, что тому, кто садился, онъ подставлялъ палочку, и

когда тотъ вскакивалъ, какъ ужаленный, онъ хохоталъ и говорилъ что либо вроде:
— Хо-хо! Старый Гансъ не любитъ такой хорошей палочки? Но вѣдь она чуднаго орѣховаго

Бѣгство турокъ изъ Константинополя.

дерева! Или онъ боится такой крошки? Тогда онъ не очень храбръ.

И какъ дома, эту шутку онъ повторялъ въ сотый разъ, и она ему не надѣдала.

Иногда онъ надѣвалъ найденную у одной станціи красную фуражку, какую носятъ начальники станцій, ходилъ отъ солдата къ солдату и говорилъ всѣмъ, что она настоящая казачья и будто бы ее отбилъ его братъ.

Весна стояла такая теплая, душистая, и ночь безъ мѣсяца, безъ искры свѣта, не пугала, не тревожила. Только тонкая полоска вдали на чернотѣ неба все ширилась, словно бы все больше раскаляясь, и иѣтъ-иѣтъ да и мелькнетъ изъ-за нея искорка за искоркой, мелькнетъ и потухнетъ, и чуть слышно пророкочетъ дальній громъ. Но до этого жуткаго мѣста было далеко, и людей на полѣ ничто не беспокоило.

А между тѣмъ отъ этого опаснаго мѣста неслись на поле разстроенные кавалеристы, потерявшіе кивера, пропахшіе дымомъ. Ихъ полковникъ тутъ остановилъ всѣхъ и повернулъ къ нимъ лошадь.

— Свиньи!—крикнулъ онъ имъ въ сильномъ гнѣвѣ.—Стоять на мѣстѣ! Падавь!

Рука его нервно дергала поводья лошади, и большой животъ ходилъ подъ кителемъ.

— Долой съ лошадей!—закричалъ онъ.—Стать рядомъ! Вы не смѣете сидѣть на этихъ благородныхъ животныхъ!

И испуганные, оглушенные люди покорно соскочили на траву. Они составляли прикрытіе для своихъ орудій въ самомъ жаркомъ мѣстѣ боя, одинъ мѣткій снарядъ сбилъ прислугу, и тутъ словно изъ-подъ земли взялись откуда-то чужіе взрывы, подхватили всѣ орудія на свои передки и исчезли изъ глазъ.

— Позоръ! Мерзость! Измѣна!—кричалъ полковникъ, силясь овладѣть своимъ гнѣвомъ.

Онъ пробѣжалъ немного по полю, пытаясь подавить волненіе, затѣмъ снова остановился передъ солдатами и рѣшительно повелъ плечами.

— Лошади!—сказалъ онъ.—Я буду обращаться къ вамъ, а не къ тѣмъ, кто сидитъ на васъ, потому что они оглохли и перестали слышать меня. Но вы всегда были неутомимы, безстрашны и вѣрны боевому дѣлу. Честь вашей высокой доблести! Сейчасъ я соединю васъ съ пѣхотой, и мы пойдемъ новою лавиной! Идите!

Проворно выскочили впередъ двое дозорныхъ и понеслись въ поле передавать приказаніе пѣхотѣ. Поле заволновалось, зашумѣло и глухо затопало; кавалерія двинулась впередъ, и черный потокъ людей полился по высокой травѣ и бурьяну и сталъ вливаться въ тихій, дремучій лѣсъ, выполняя планъ глубокаго обхода, смѣлаго и внезапнаго.

Тотъ, живой и наивный, который забавлялся палочкой, шелъ невдалекѣ отъ толстаго полковника и, слѣдя за колышавшейся спиной его и крупомъ лошади, думалъ дремотно, пріятно и безопасно:

— Отлично итти за тѣмъ, кто все знаетъ! Отлично итти и не думать!

И онъ шелъ и не думалъ. Но въ лѣсу почва

стала сильно понижаться подъ ногами, вздрогнула отъ всей массы людей и заколебалась, и потекла въ сапоги жидкая топь.

Съ самаго начала темный потокъ людской, ударившись о дремучую стѣну лѣса, забурлилъ межъ стволами отдѣльными тоненькими ручейками. Но и они стали утончаться и развѣтвляться и скоро весь потокъ сталъ капать отдѣльными людьми, просачиваясь каплями сквозь гушу лѣса, словно сквозь исплинскій фильтръ. Сначала люди выражали нетерпѣніе, потомъ досаду и неудовольствіе, а затѣмъ злобу и ожесточеніе. Завязло безнадежно орудіе, словно дѣтское. Надъ нимъ отрядъ пробился полночи, но такъ и бросилъ. Въ другомъ мѣстѣ другой отрядъ попалъ въ такую глубокую трясины, что въ одно мгновеніе отъ него остались видны, словно страшныя кочки, одни неподвижныя каски съ шишаками, да валялись сверху ружья, словно игрушки. Темная и древняя сила лѣсная встала вся на человѣка и, шутя, разметала его скопище.

Тотъ отрядъ, въ которомъ былъ веселый и глуповатый солдатъ, наткнулся передъ разсвѣтомъ на широкое болотное озеро, котораго нельзя было охватить глазомъ. Густо поросло оно мѣстами свѣжей обманчивой травой, и грузно всплескивалась въ ней вода, и мелькалъ тогда изъ травы темный хвостъ какой-либо огромной водяной гадины. Мѣстами вода была чиста, и среди затѣйливыхъ водорослей кишѣли всякіе водяные тараканы и букарицы. Жажда томила весь отрядъ, но всѣ боялись еще пить воду изъ болота. Дойдя до этого болота, отрядъ сталъ обходить его стороною. Но зачѣмъ надо было обходить болото стороною, никто не зналъ. Всѣ давно уже стали догадываться, что отбились отъ своихъ, а теперь окончательно поняли, что еще и заблудились безнадежно. Обходить ли болото, итти ли назадъ, или вбокъ, или еще куда бы то ни было, было совершенно все равно имъ теперь, но они все же стали обходить.

Тамъ вверху надъ деревьями начиналось уже радостное утро, заря алѣла и теплѣла, синее ночное небо подернулось яркимъ серебрянымъ свѣтомъ, и по розовому свѣту на самыхъ кончикахъ макушекъ можно было догадаться, что онѣ уже видятъ солнце. Но здѣсь, внизу, подъ деревьями, было глухо, сурово, мрачно, и чуть-чуть брезжилъ еще строгій свинцовый разсвѣтъ. Все было мертво и недвижимо, и только развѣ сорвется гдѣ-либо съ мѣста какая-нибудь невиданная грузная птица съ длинной косою на головѣ и бородой на шеѣ, или въ темной глубинѣ лѣса покажется вдругъ смутно чья-то исполнская спина на одно мгновеніе и мелькнетъ что-то ужасное, словно бы человѣческое, но не выдавшее людей.

Тотъ, глупый и веселый, отъ сильной усталости покачивался и ступалъ неудобными солдатскими сапогами вкривь и вкось.

— Охъ, какъ тяжело вытаскивать ноги изъ грязи, охъ какъ тяжело!—думалъ онъ самое главное, что было теперь въ жизни его.—Потомъ ужъ очень пить хочется.

Многіе изъ нихъ начинали переставать ясно по-

нимать окружающее и, видя воду, припадали къ ней и пили, всасывая въ животъ вмѣстѣ съ ней рога-тыхъ и мохнатыхъ букарицъ.

Раньше никто изъ нихъ, если видѣлъ мѣстечко посуше, не садился, опасаясь змѣй и гадинъ, но теперь иные, забывая гдѣ они, охотно опускались на землю. Остальные же, нисколько о нихъ не заботясь и просто не замѣчая ничего, продолжали все также идти съ напряженнымъ усилиемъ, размахивая руками и, словно куклы, стараясь бессознательно идти въ ногу. Только одинъ солдатъ пересталъ махать руками. Его укусила въ лицо какая-то хвостатая болотная муха, лицо посинѣло и раздулось, глаза запылились и заслезивались. Ему казалось, что муха все еще тутъ, и онъ съ ужасомъ старался отогнать ее руками, чувствуя, какая надвигается на него страшная слѣпота и помутившіе мозга, и не желая вѣрить самому себѣ.

Отрядъ, теряя людей одного за другимъ, обходилъ уже то мѣсто, гдѣ болотное озеро узкимъ и длиннымъ рукавомъ уходило въ самыя тайныя лѣсныя дебри. Рукавъ былъ очень глубокъ, но вода въ немъ была столь чиста, что на днѣ его можно было бы увидѣть брошенную пуговицу. Непролазныя толщи изъ малинника и голубицы, изъ упавшихъ гнилыхъ стволовъ и вновь вырастающихъ на старческихъ тѣлахъ ихъ дѣтей, слабенькихъ и худосочныхъ отъ вѣчныхъ потемокъ, закрывали всѣ берега этого рукава, и сквозь эту гущу не могла пролетѣть ни одна таинственная лѣсная птица. Глухо и нѣмо было тамъ.

Тутъ было волчье логово, и этою весной у ста-

рой, мѣстами совсѣмъ сѣдой волчицы было трое волчатъ, которыхъ она водила къ рукаву каждый день пить воду. Волчица уже такъ ослабѣла, что глаза и зубы у нея совсѣмъ не годились—глаза часто обманывали, а зубы не брали ничего, кромѣ хрящей. Лѣтомъ она еще кое-какъ питалась, съ отвращеніемъ глотая ягоды черники, по зимамъ же приходилось совсѣмъ трудно. Когда у нея появились волчата волкъ покинулъ ее, чтобы искать другую, и она, сама обреченная голоду, должна была еще кормить дѣтей. Но она понимала, что это такъ и надо, и, когда ему случилось печально забѣгать на прежнее логово, она только ласково виляла передъ нимъ хвостомъ.

Эта зима прошла еще довольно сносно, потому что въ лѣсъ забѣжала какъ-то разъ лошадь, раненая смертельно, и издохла. Но теперь отъ лошади уже остались однѣ сѣрыя безвкусныя кости, да къ тому же вымоченныя въ труху весенними дождями, и вновь стало такъ голодно-голодно.

Когда волчица почуяла приближеніе какихъ-то людей къ болотному озеру, она обѣжала его кругомъ и стала осторожно приближаться къ нимъ. Еще издали она почувствовала радостный и волнующій острый запахъ сильнаго человеческого пота и, еще издали увидѣвши ихъ, сразу же поняла звѣринымъ чутьемъ, что они всѣ совсѣмъ измучены. Весь день пробиралась она неотступно чащею за ними, чувствуя, какъ подводитъ животъ отъ жаднаго желанія и течетъ обильно съ языка желтая слюна. Когда кто-либо изъ нихъ отставалъ и припадалъ къ водѣ, она вся зами-

«Сапожники».

А. Лажовскій.

рала въ трепетѣ, а одинъ разъ даже подкралась и уже настолько, что могла бы понюхать пятку нагнувагося челоѣвка и схватить ее зубами. Но она не надѣялась на свои силы, да и было еще очень свѣтло и далеко отъ логова, и она не рѣшалась. Только когда челоѣвкъ догонялъ другихъ, она глубоко задумывалась, уже раскаиваясь и сожалея.

Когда отрядъ обошелъ уже рукавъ и долженъ былъ снова идти вокругъ озера, кто-то вдругъ отдѣлился отъ него и, сильно торопясь, пошелъ назадъ, вдругъ прїидя въ себя и охваченный внезапнымъ терзающимъ сомнѣніемъ.

Весь остатокъ дня онъ шелъ назадъ по рукаву, и когда стало темнѣть, прокричалъ что-то въ воздухъ слабымъ голосомъ и опять повернулъ обратно, торопясь все также сильно. Ноги его такъ заплетались, что временами онъ падалъ и ползъ на четверенькахъ. Волчица хорошо понимала, что это животное, самое опасное изъ всѣхъ, выбилось изъ силъ и теперь безпомощно, что уже наступаетъ тьма, а оно, дрожа и корчась отъ усилій, подползаетъ все ближе къ ея логову.

Это былъ тотъ самый простодушный и недалекій солдатъ, который былъ веселъ столь еще недавно. Покричавши слабымъ голосомъ и помахавши деревьямъ рукою, онъ тотчасъ же снова потерялъ проблескъ сознанія. Онъ опустился на землю, и въ помутнѣломъ воображеніи его вновь стало продолжаться то невозможное и счастливое, что жило въ немъ до этого.

— Я потому такъ запоздалъ, Минна, — сказалъ онъ, слабо улыбаясь, — что тамъ было слишкомъ грязно. Но картофель я еще не хочу ѣсть. Я хочу прежде немного поспать. Это будетъ самое лучшее. Посмотри, какъ всѣ хотятъ спать.

И вмѣстѣ съ Минной видятъ они, какъ по широкой и очень грязной дорогѣ идутъ люди съ тяжелыми тюками на спинахъ и вдругъ словно вѣтеръ дунулъ на нихъ, падаютъ прямо лицомъ въ грязь и шепчутъ:

— Надо поспать! Всѣмъ надо немного поспать!

И солдатъ сладко улыбается и съ наслажденіемъ закрываетъ глаза.

И въ эту минуту волчица, тайнымъ чутьемъ своимъ понявши, что уже время, темною стрѣлой мелькнула изъ чащи...

Наѣвшись, волчица притащила своимъ дѣтенышамъ его плечо, и когда взошло новое утреннее солнце, они рѣзвились и играли въ тепломъ материнскомъ логовѣ, притворно кусая другъ друга за большія головы. А надъ суровымъ дремучимъ лѣсомъ, со всѣми удивительными птицами, звѣрями и гадами его, вновь сомкнулись безбрежныя волны дремоты, спокойствія и иѣмоты, потому что не было въ немъ слышно больше ни одного голоса челоѣвческаго, ни одного движенія.

Н. Н. Киселевъ.

КАКЪ ОНИ УМИРАЮТЪ.

КЛОДЪ ФАРРЭРЪ.

Я хотѣлъ бы, чтобъ знали, какъ умираютъ наши офицеры, унтеръ-офицеры, мичманы... даже самые юные, тѣ, у кого всего одна, самое большее двѣ нашивки на рукавѣ, кто вчера только вышелъ изъ военной школы, позавчера изъ лица...

Итакъ... вамъ не скучно будетъ дочитать до конца?.. я постараюсь быть краткимъ... къ тому же, прочтя эту исторію, вы сможете сами рассказывать ее другимъ, и вамъ не придется даже называть автора; потому что исторія эта—истинное происшествіе; такъ что въ сущности автора нѣтъ...

То, что я собираюсь сейчасъ описать, произошло на борту французскаго броненосца «Ваграмъ»... Знаете, «Ваграмъ»?.. на которомъ адмиралъ Шефтель поднялъ флагъ пятнадцатаго мая?.. Да, знаете?.. Отлично!

Въ тотъ день, когда случилась вышеупомянутая исторія, четвертая эскадра производила свои обычные упражненія въ стрѣльбѣ. Стрѣляли дивизіями—по три

броненосца сразу—въ обширныя цѣли, расположенныя попарно на разстояніи десяти тысячъ метровъ. «Ваграмъ» долженъ былъ стрѣлять одновременно съ «Гогенлинденомъ» и «Оэрстэдтомъ».

Я состоялъ на «Конвенціи», входившей въ составъ третьей, а не четвертой эскадры, но, въ качествѣ артиллерійскаго офицера, получилъ разрѣшеніе находиться на борту какого угодно броненосца,—скажемъ «Ваграма», — чтобы присутствовать при учебной стрѣльбѣ: всегда есть чему поучиться въ подобныхъ случаяхъ, даже такому опытному, бывалому моряку, какъ я.

Данъ былъ первый залпъ. Три броненосца стрѣляли съ праваго борта, при чемъ не произошло никакихъ инцидентовъ. Потомъ они начали маневрировать, чтобы снова занять мѣста по линіи прицѣла, но стрѣлять уже не съ праваго, а съ лѣваго борта.

Мы, офицеры-зрители, могли размѣститься, гдѣ

намъ заблагодарасудится, при томъ, конечно, условіи, чтобы никому не мѣшать. Отыскавъ укромное мѣстечко, я усѣлся на грудѣ канатовъ какъ разъ противъ башни 6, расположенной на лѣвомъ борту и, значить, находившейся до сихъ поръ въ бездѣйствіи.

Когда раздалась команда: «Лѣвый бортъ!», я увидѣлъ, какъ подымались по лѣсенкѣ башни бывшіе раньше въ резервѣ матросы, и сейчасъ же узналъ ихъ начальника, мичмана Жана Шеррера. Совсѣмъ еще мальчикъ: года двадцать два, можетъ быть, двадцать четыре; на видъ не больше пятнадцати. Бѣлокурый, розовый, стройный; и столько же волосъ на подбородкѣ, какъ на колѣняхъ—мягкій и нѣжный пушокъ. Какъ двѣ капли воды такой же хорошенькій мальчикъ, какіе играютъ въ Пито въ теннисъ...

Я встрѣчалъ его нѣсколько разъ въ Тулузѣ и потому обратилъ на него вниманіе, что съ нимъ всегда была одна и та же подруга, что не часто случается съ офицерами, которые только изрѣдка простираютъ свою вѣрность до монотонности...

Подруга Жана Шеррера къ тому же мнѣ очень понравилась: она была чрезвычайно мила и словно создана для него—она казалась такимъ ребенкомъ, что рядомъ съ ней онъ почти производилъ впечатлѣніе мужчины. Ничего нельзя было представить себѣ трогательнѣе этой юной, очаровательной пары.

Итакъ я увидѣлъ, что Жанъ Шерреръ собирается подняться по лѣсенкѣ вмѣстѣ съ матросами и на секунду остановилъ его, чтобы пожать ему руку.

— Это вы, мой милый?.. Я не зналъ, что вы здѣсь... Какъ поживаете?

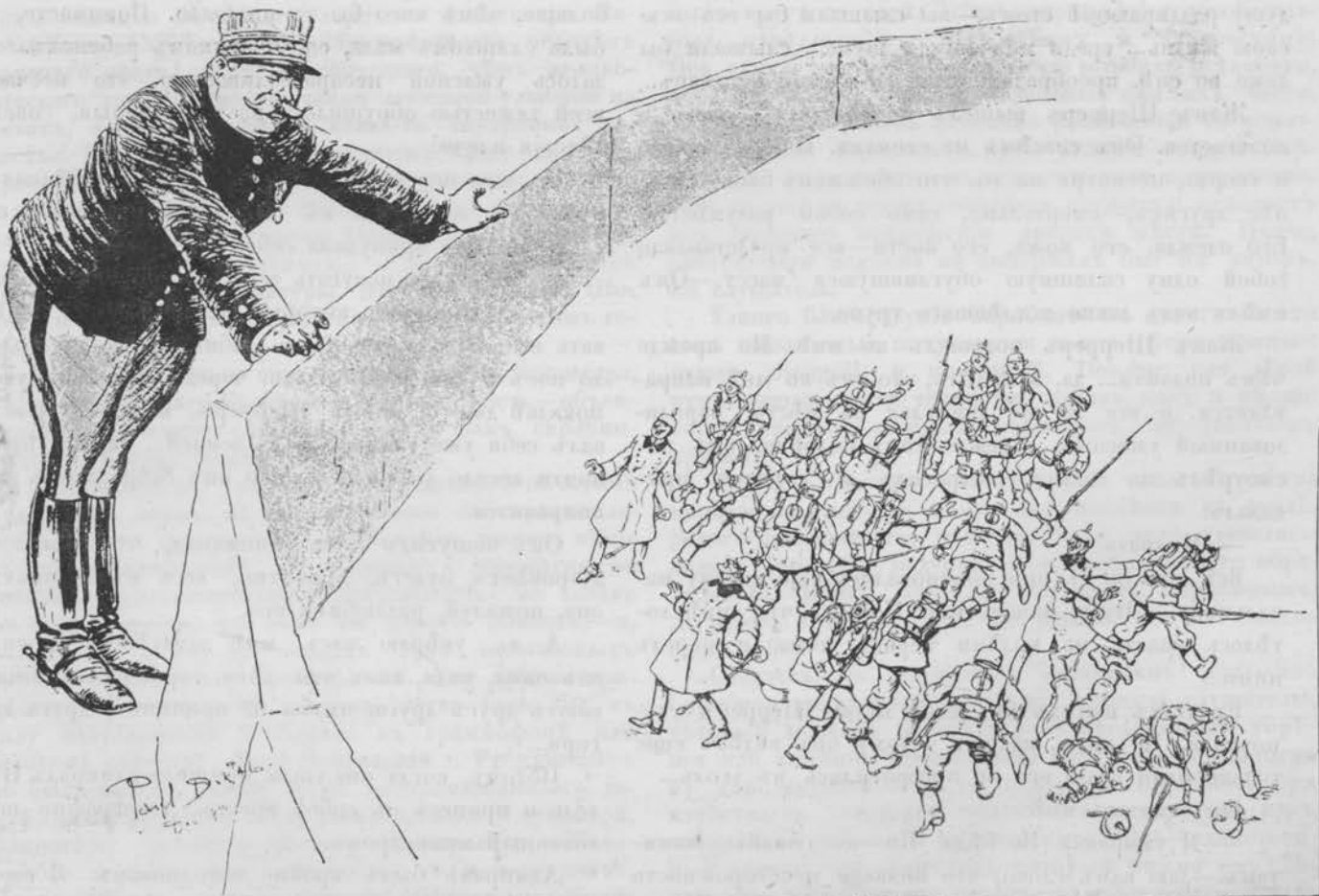
— Очень хорошо, капитанъ! А вы?.. Вы пришли послушать, какъ гремятъ наши пушки?.. О, знаете, это въ высшей степени интересно!.. Вотъ сейчасъ вы увидите, какая у меня башня... изумительная башня!.. Вашъ хронометръ съ вами? Посмотрите-ка, сколько секундъ пройдетъ между первымъ и шестымъ выстрѣломъ!

Онъ пожалъ мнѣ руку, поднялся съ ловкостью бѣлки и исчезъ за сейчасъ же закрывшейся дверью. А я взялъ въ руки бинокль и началъ отыскивать скрывшіяся изъ глазъ благодаря дыму дѣли.

Я былъ доволенъ; я улыбался. Мнѣ доставила удовольствіе встрѣча съ этимъ восторженнымъ экзальтированнымъ мальчикомъ, такъ гордящимся своими пушками, влюбленнымъ въ свою башню 6. И мнѣ пришло даже въ голову, что, еслибы слова эти услышала маленькая подруга, она, пожалуй, приревновала бы его...

Началась стрѣльба съ лѣваго борта. Упражненія обыкновенно не длятся долго. Адмиралъ поднялъ красный флагъ, два матроса послѣдовали его примѣру. Онъ выстрѣлилъ первый. И сейчасъ же ужасающій грохотъ тридцати пушекъ едва не оглушилъ меня.

Я увидѣлъ надъ собой два продолговатыхъ ослѣпительныхъ огня, вылетѣвшихъ изъ башни 6, и немедленно началъ считать секунды, какъ просилъ меня мальчикъ. Я насчиталъ девятнадцать... Это было хо-

Берегись! Опрокину!

рошо, очень хорошо... блестящий результат! Да, юный мичманъ Жанъ Шерреръ имѣлъ право высоко держать голову.

Опять два длинныхъ, яркихъ огня изъ башни 6 и вдругъ, несмотря на непрекращающійся грохотъ залповъ, я слышу жуткое фшююююю... Моментально, еще прежде, чѣмъ страшное фшюююю... успѣло затихнуть, я понялъ, что снова потребовались жертвы, что въ башнѣ 6 произошелъ взрывъ!.. А вѣдь мичманъ и матросы заперты въ этомъ герметически закупоренномъ ящикѣ, гдѣ горятъ теперь тридцать килограммовъ пороха... О, ужасъ!..

Флаги, подававшіе сигналъ къ стрѣльбѣ, полуспущены. Залпы стихли. По морю тянутся длинные желтые и сѣрые дымки—уголь и порохъ. Мѣрно покачиваются три броненосца. Ничто, повидимому, не измѣнилось.

Наконецъ изъ башни 6 выходитъ первый матросъ. Онъ весь черенъ,—потому что отъ огня обуглилась его кожа... и весь красенъ,—потому что съ него течетъ кровь... За нимъ остальные... Нѣтъ, я не могу ихъ вамъ описать, я не въ силахъ... Но еслибъ вы увидѣли ихъ,—вы не могли бы уже никогда... слышите ли, никогда!.. забыть этого ужаснаго зрѣлища. И еслибъ вы услышали, какъ они стонутъ... стонутъ вѣдь... однимъ и тѣмъ же непередаваемымъ стономъ... который пытается быть крикомъ, просьбой, мольбой о помощи... а!.. а!..—они хотятъ пить, они стараются попросить воды... но не могутъ: имъ слишкомъ больно шевелить языкомъ и губами, чтобы произнести членораздѣльные звуки!.. О, еслибъ вы услышали этотъ душу раздрающій стонъ,—вы слышали бы его всю свою жизнь... среди молчанія и шума... слышали бы даже во снѣ, преобразившемся въ жуткій кошмаръ...

Жанъ Шерреръ вышелъ послѣднимъ,—какъ и полагается. Онъ совсѣмъ не стоналъ. И шелъ прямо и твердо, несмотря на то, что обожженъ былъ сильнѣе другихъ,—смертельно, само собой разумѣется! Его одежда, его кожа, его кости—все представляло собой одну сплошную обуглившуюся массу.—Онъ имѣлъ видъ давно истлѣвшаго трупа.

Жанъ Шерреръ подошелъ ко мнѣ. Но прежде чѣмъ подойти... да, я видѣлъ, что онъ ко мнѣ направляется и все же не двинулся съ мѣста, парализованный ужасомъ... прежде чѣмъ подойти, онъ посмотрѣлъ на своихъ матросовъ и коротко приказалъ:

— Молчать!

Всѣ стихли. О, они повиновались еще своему начальнику.—Этому начальнику! Помню, что мнѣ хотѣлось упасть на колѣни передъ нимъ и передъ ними...

Въ двухъ шагахъ отъ меня Жанъ Шерреръ остановился. Не знаю, какимъ чудомъ онъ видѣлъ еще: только одни глаза его не превратились въ уголь...

Онъ сказалъ мнѣ:

— Я умираю... Не бѣда! Но—послушайте, капитанъ!—даю вамъ слово, что никакая неосторожность не была совершена моими матросами. Это не ихъ вина, нѣтъ!

Кивкомъ головы онъ указалъ мнѣ на своихъ молчавшихъ теперь подчиненныхъ. Я видѣлъ, что, глядя на нихъ, онъ заплакалъ бы, еслибъ могъ.

Онъ сказалъ мнѣ еще:

— Бѣдняги!..

И только потомъ вспомнилъ о себѣ:

— Капитанъ... вы ее знаете?.. Нини?.. Не пришло ли вы ее мнѣ въ госпиталь? Вѣдь я умру не раньше, чѣмъ послѣзавтра: если не остаешься на мѣстѣ сейчасъ же, это длится еще больше сутокъ... Да, я знаю... я видѣлъ уже другихъ... до меня...

Потомъ совсѣмъ тихо прибавилъ:

— Боже, какъ жжетъ!

Онъ пошатнулся... я протянулъ было руки, чтобы поддержать его...

Но усилиемъ воли Жанъ Шерреръ снова выпрямился, скомандовалъ другимъ умирающимъ:

— Въ лазаретъ! Направо маршъ!

И самъ тоже направился туда,—пошелъ безъ посторонней помощи, въ то время какъ переносили на рукахъ его матросовъ.

Онъ прожилъ еще—какъ и предвидѣлъ—весь день, всю ночь и часть слѣдующаго дня. Въ полдень я помчался къ нему въ госпиталь.

Само собой разумѣется, я привелъ съ собою Нини. О, это не была больше та прехорошенькая дѣвочка, которую я встрѣчалъ съ нимъ раньше! Жалкое, раздираемое рыданіями созданіе шло рядомъ со мной...

Я видѣлъ на своемъ вѣку очень много женщинъ въ слезахъ: вѣдь офицеры часто умираютъ молодыми... И все же мнѣ было жаль эту Нини гораздо больше, чѣмъ кого бы то ни было. Понимаете, она была слишкомъ мала, еще слишкомъ ребенокъ... Казалось ужасной несправедливостью, что несчастье всей тяжестью обрушилось на такія юныя, совсѣмъ дѣтскія плечи!

Но едва перешагнувъ порогъ лазарета, бѣдная дѣвочка все же нашла въ себѣ силы сдержать свои слезы и даже принудила себя улыбнуться:

— Чтобы не испугать его...—объяснила она мнѣ.

Жанъ Шерреръ, который не могъ даже поцѣловать ее... потому что былъ забинтованъ съ головы до ногъ и говорилъ только черезъ продѣланиую въ повязкѣ дыру... Жанъ Шерреръ, который чувствовалъ себя уже глубоко подъ землей... вдругъ началъ почти весело увѣрять ее, что онъ скоро, очень скоро поправится.

Онъ пошутилъ даже, напоминая, что, когда выздоровѣетъ, будетъ, вѣроятно, весь въ шрамахъ и она, пожалуй, разлюбитъ его.

А я... увѣряю васъ, мнѣ захотѣлось броситься изъ окна, видя, какъ эти дѣти героически обманываютъ другъ друга, чтобы не причинить другъ другу горя...

Потомъ, когда она ушла, пришелъ адмиралъ Шефтель и принесъ съ собой крестъ, телеграфно пожалованный министромъ.

Адмиралъ былъ крайне взволнованъ. Я еще до сихъ поръ вижу, какъ нервно подергивалась его верхняя губа и дрожали сѣдые усы.

Онъ торопливо открылъ маленькую сафьяновую коробочку и торжественно пристегнулъ красную ленту къ бѣлымъ бинтамъ на груди.

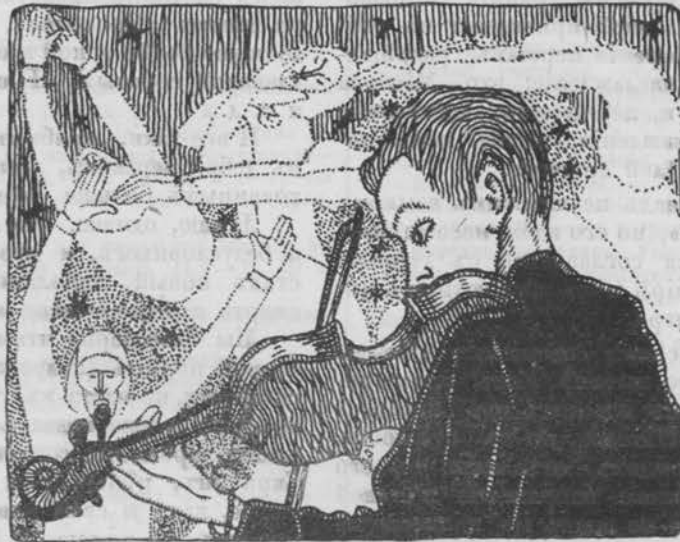
Но Жанъ Шерреръ сказалъ ему:

— Благодарю, адмиралъ!.. только зачѣмъ мнѣ?.. Дайте лучше это тому матросу, которому посчастливится выжить... онъ будетъ радъ... А мнѣ... не

стоитъ... даже для послѣднихъ почестей... вѣдь намъ все равно устроить торжественныя похороны... Все же благодарю васъ отъ души, адмиралъ... и васъ также, капитанъ... васъ особенно!..

Черезъ часъ онъ умеръ.

Переводъ съ французскаго М. Кариней.

Ушедшій отъ насъ А. Н. Скрябинъ.

... Когда, закрывая глаза, я припоминаю обликъ такъ внезапно почившаго дорогого Александра Николаевича Скрябина, мнѣ представляется человѣкъ средняго роста, скорѣе малорусскаго, чѣмъ великорусскаго типа, съ чрезвычайно любезной улыбкой на устахъ, весь—мягкость и какая-то внутренняя радость... Его любимымъ выраженіемъ было: «какъ доволенъ я, что передаю своимъ искусствомъ радость и доставляю ее другимъ». Радость—слово, мало известное нашимъ композиторамъ, бывшимъ, до сихъ поръ, увѣреннымъ, что меланхолия—одна изъ главныхъ свойствъ славянской природы. Это еще шло отъ Шопена и особенно подтверждено меланхолическимъ гениемъ Чайковского.

Правда, мы знали еще «радостнаго» композитора, въ лицѣ Римскаго-Корсакова, но его радость—объективная, легендарно-спокойная, тогда какъ скрябинская—взбудораженная, экстагическая.

Слѣдовательно, уже этимъ оригиналенъ почившій художникъ звука, но я усматриваю его оригинальность еще въ другомъ: онъ ненавидѣлъ текстъ, пѣніе съ аккомпанементомъ, не оставивъ (несмотря на довольно продолжительную дѣятельность) не только ни одной оперы, но даже ни одного романса,—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не создалъ такъ называемыхъ вышше эффектныхъ произведеній. Ему трудно написать короткую пьесу, которую легко было бы, въ силу популярности исполнять въ граммофонѣ или садовому оркестру. Даже Чайковскій и Рубинштейнъ не были чужды этимъ легко воспроизводимымъ вещамъ, которыя также легко воспринимаются публикой. Вспомните: «Осеннюю пѣсню», «Баркароллу», «Жаворонка» первого, или: «мелодію», «вальсъ-капризъ», «кавалерійскую рысь» второго! Ничего подобнаго муза Скрябина не знала и не хотѣла знать.

Не хотѣла—потому, что ужъ слишкомъ высокъ былъ кругъ ея идей. Здѣсь, напрашиваются любопытныя параллели съ Бетховеномъ и Чайковскимъ. Оба этихъ великихъ генія знали моменты остановки, передышки, т. е. такія произведенія или ихъ части, гдѣ высокій уровень невольно понижается съ понятною цѣлью: Бетховенъ, подъ видомъ скерцо, Чайковскій, подъ видомъ вальса, создавали психологическія паузы, во время которыхъ слушатель отдыхаетъ отъ сильнаго напряженія другихъ мѣствъ. Иначе, постоянного подъема не выдержалъ бы: ни авторъ, ни слушатель.

Такого благоразумія Скрябинъ не знаетъ—и его такъ называемыя популярныя пьесы (фортепианные: этюдъ, dis-moll, и ноктюрнъ, Des-dur, для лѣвой руки) даютъ почти такой же экстазъ, какъ и тѣ, которыя нравятся наиболѣе развитымъ общественнымъ кругамъ.

Другими словами: возвышенный стиль Скрябина паритъ къ небу и почти не тяготеетъ къ землѣ. Этимъ объясняется, что ему такъ мало удавались: вальсъ (op. 38), мазурки, и я думаю, во что обратился бы балетъ, будь онъ сочиненъ Скрябинымъ. До этого, конечно, дѣло не дошло, ибо не должно было дойти.

Отсутствіемъ «пунктовъ остановки» искусство Скрябина предъявляетъ большіе запросы слушателю, который долженъ находиться въ постоянномъ горѣніи или кипѣніи, но такъ какъ послѣднее невозможно въ дѣйствительности, то искусство Скрябина, при известныхъ условіяхъ подавляетъ слушателя, какъ слишкомъ сильное и возвышенное! Это—единственный упрекъ (по существу), который можно ему сдѣлать, но этому упреку позавидовали бы многіе другіе композиторы...

Итакъ экстазъ, почти постоянный, почти всегда одинаково сильный. Тутъ мнѣ придется процитировать самого автора, который въ текстѣ къ «Поэмѣ экстаза» опредѣлилъ свои излюбленныя настроенія. Напрасно вы будете думать, что это экстазъ исключительно физическій, какъ отъ какого-нибудь гашиша или опиума, или исключительно духовный: плоть и духъ перемѣшались въ немъ въ одно цѣлое. Это экстазъ міровой, космическій: человѣкъ лишь одинъ изъ объектовъ игры Міровой Воли съ самой собой. Во всемъ мірѣ, разбужены крайнія «недозволенные желанія», во всемъ мірѣ приведены въ дѣйствіе контрасты. Удовлетвореніе первыхъ, разрѣшеніе вторыхъ доставляетъ наслажденіе: это—Міровая игра, незнающая усталости и передышки; достиженіе одной цѣли не даетъ наслажденія, важна лишь постоянная смѣна однихъ цѣлей другими.

Какъ много смѣялись надъ неуклюжимъ языкомъ текста къ «Поэмѣ экстаза», но его идеи, несомнѣнно, вѣрны. Пожалуй, придется согласиться съ гениальнымъ авторомъ, что въ мірѣ нѣтъ абсолютныхъ цѣлей и что все въ мірѣ—игра.

Я изложилъ вамъ идейное содержаніе «Поэмы экстаза», а музыка—на его высотѣ. Какъ оркестровый композиторъ, Скрябинъ исходитъ изъ Листа, а какъ фортепианный—изъ Шопена, но въ сущности, что остается, въ концѣ-концовъ, отъ нихъ въ его гениальныхъ поэмахъ?! Такого напряженія и такой продолжительности экстаза не зналъ ни знаменитый полякъ, ни знаменитый венгръ.

Я приведу лишь двухъ композиторовъ, которые могутъ здѣсь помѣряться съ «неистовымъ Александромъ»: Чайковского и Вагнера. Итакъ, возьмите скрябинскія: «Божественную поэмю», «Поэмю экстаза», для оркестра, «Сатаническую поэмю», «Трагическую поэмю», для рояля, и мы сейчасъ увидимъ что Вагнеръ далъ своей увертюрой къ «Тангейзеру», и нѣкоторыми мѣстами «Тристана», внѣшнія рамки, для скрябинскаго экстаза, а пареніе Чайковского указало Скрябину сущность славянскаго творчества.

Но приведя сходныхъ художниковъ, я долженъ сейчасъ-же оговориться: ужъ очень сильно различіе

отъ нихъ Александра Николаевича, особенно въ его послѣднемъ періодѣ.

Для меня, этотъ третій періодъ, открывшійся оркестровой поэмой огня «Прометей», былъ настоящей мукой: мнѣ казалось, что съ этими невозможными сочетаніями Скрябинъ навѣки уходитъ отъ насъ.

Но потомъ все разъяснилось. Оказалось, что неуравновѣшенный «Прометей» не былъ рѣшающимъ словомъ, и что желаніе композитора создать новую теорію аккордовъ, характеръ которыхъ былъ-бы рѣшенъ системой призвуковъ, не было абсолютнымъ: не понявъ «Прометея», мы отдали, тѣмъ не менѣе, должное болѣе ясной вдохновенности фортепианныхъ: «девятой сонаты», «Flammes sombres», «Guirlandes» и т. д.

И все-таки, Скрябинъ казался уходящимъ отъ насъ въ дебри дерзкихъ, декадентскихъ сочетаній, продиктованныхъ больше умомъ, чѣмъ сердцемъ.

Думаю, однако, что это не было рѣшительнымъ и безусловнымъ, и что въ душѣ почившаго нарасталъ новый гениальный синтезъ, которому лишь смерть положила свое «veto»!

Мы благодарно чтимъ А. Н. Скрябина за зрѣлый второй періодъ (подражательный первый, до второй симфоніи, не идетъ въ счетъ), за удивительныя поэмы, которыя я уже назвалъ. Присоедините сюда многіе этюды, прелюдіи, сонаты—и вотъ передъ вами весь Скрябинъ, цѣльный и могучій, знающій оркестръ также, какъ и свой рояль (съ котораго началъ этотъ ученикъ, по роялю, В. И. Сафонова, окончившій у него, въ 1892 году, Московскую консерваторію съ занесеніемъ на золотую доску).

Александръ Николаевичъ родился въ 1871 году въ Москвѣ. Слѣдовательно, умеръ онъ всего сорока четырехъ лѣтъ. Если принять во вниманіе, что его слава все росла не только у насъ, но и за границей, и что гениальному композитору помогали интересныя пианисты (Скрябинъ игралъ свои вещи, но никогда не дирижировалъ), то нельзя не сказать, что внезапная бессмысленная смерть вырвала изъ нашей среды одного изъ самыхъ значительныхъ и гениальныхъ русскихъ гражданъ.

А. Коптлевъ.

Содержаніе.

Стих. Кольцо—А. Рославлевъ. Фіалка (рассказ)—Л. Доброправовъ. Весеннее, стих.—В. Горюхінъ.
Волчица (рассказ)—Н. Н. Киселевъ. Какъ они умираютъ—К. Фарреръ. Ушедшій отъ насъ
А. Н. Скрябинъ—А. П. Коптлевъ.

На обложкѣ «Весна» рис. А. М. Аршатама.

На основаніи закона 20 марта 1911 года перепечатка литературнаго и художественнаго матеріала настоящаго номера воспрещается.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО М. М. ГУТЗАЦА.

Петроградъ, Захарьевская, 9.

Сочиненія Н. Бунакова.

„Азбука и уроки чтенія и письма“. Съ 241 рис. въ текстѣ. Ц. 25 к.

„Книжка-Первинка“. Чтеніе послѣ азбуки, съ картинками и задачами для самостоятельныхъ работъ. Ц. 15 к.

„Въ Школѣ и Дома“. Книга для чтенія, примѣненная къ преподаванію родного языка въ начальныхъ училищахъ: Часть I-я—второй годъ обученія, ц. 40 к. Часть II-я—третій годъ обученія, ц. 60 к. Часть III-я—Хрестоматія для городскихъ училищъ, ц. 75 к.

„Живое Слово“. Учебная книга для начальной школы, въ трехъ частяхъ: Часть I-я—ц. 30 к. Часть II-я—ц. 40 к. Часть III-я—ц. 50 к.

„Грамматическія и орфографическія упражненія въ начальной народной школѣ“—ц. 15 к.

Руководство для занятій въ народной школѣ по книгѣ для чтенія „Въ Школѣ и Дома“. Ч. I и II, съ темами, планами и примѣрами постепенныхъ письменныхъ упражненій для наученія самостоятельно излагать свои мысли—ц. 30 к.

Руководство къ обученію грамотѣ по книгѣ „Азбука и уроки чтенія и письма“—ц. 15 к.

„Родной языкъ“ какъ предметъ обученія въ начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ—ц. 1 руб.

„Школьное Дѣло“. Учебный матеріалъ, проработанный на учительскихъ съѣздахъ и курсахъ за тридцать лѣтъ (1872—1902 г.)—ц. 1 р.

„Школьный годъ“. Распределеніе учебныхъ занятій и самостоятельныхъ учебныхъ работъ въ началѣ и народнѣйшей школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ и съ тремя отдѣленіями, при одномъ учителѣ—ц. 25 к.

Сочиненія А. Бунакова.

Синтаксисъ Русскаго языка. Руководство къ изученію элементарнаго синтаксиса—ц. 50 к.

Николай Теодоровичъ Бунаковъ, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ, сост. Л. В. Македоновымъ—ц. 30 к.

Сочиненія Н. де-Жоржъ.

Курсъ элементарной тригонометріи и собраніе примѣровъ и упражненій. А. Реббера—ц. 85 к.

Элементарная алгебра. А. Босъ—ц. 2 р. 50 к.

Элементарный курсъ ариометіи. Аббата Е. Желена—ц. 1 р. 10 к.

Курсъ элементарной геометріи. А. Боса и А. Реббера—ц. 1 р. 50 к.

Образцы рѣшенія геометрическихъ задачъ помощью тригонометріи, съ приложеніемъ задачъ и таблицы тригонометрическихъ формулъ Н. де-Жоржъ—ц. 50 к.

Сочиненія М. Вольпера.

„Русская Рѣчь“. Учебное руководство, примѣненное къ обученію русскому языку тѣхъ дѣтей, которыя при поступленіи въ школу не умѣютъ говорить по русски.—Первый выпускъ: Букварь—ц. 20 к. Второй выпускъ: Первая послѣбукваря книжка для чтенія—ц. 30 к. Третій выпускъ: Книга для чтенія—ц. 50 к.

Руководящія замѣтки о преподаваніи русскаго языка инородцамъ по всѣмъ тремъ выпускамъ „Русской Рѣчи“ и „Практической русской грамматикѣ“—ц. 30 к.

Сборникъ статей образцовыхъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. Продолженіе руководства „Русская Рѣчь“—ц. 75 коп.

Толкователь словъ, фразъ и оборотовъ, встрѣчающихся во 2-мъ и 3-мъ выпускахъ „Русской Рѣчи“, въ двухъ частяхъ: Часть I-я—пособіе ко второму выпуску—ц. 20 к. Часть II-я—пособіе къ третьему выпуску—ц. 30 к.

Практическая русская грамматика. Учебное руководство, служащее дополненіемъ къ „Русской Рѣчи“, съ 688 письменными упражненіями—ц. 30 к.

Этимологія русскаго языка въ таблицахъ. Необходимое дополненіе къ учебникамъ по русской грамматикѣ—ц. 30 к.

Сочиненія В. Гербача.

Методическое руководство къ обученію письму. Пособіе для родителей, учителей, учит. инст. и семин.—ц. 60 к.

Руководство къ обученію письму—прописи русскія, составленныя по поруч. Учебн. Ком. при Св. Синодѣ—ц. 40 к.

Прописи французскія, со сборникомъ примѣровъ для самостоятельныхъ упражненій въ правописаніи—ц. 40 к.

Прописи нѣмецкія, со сборникомъ примѣровъ для самостоятельныхъ упражненій въ правописаніи—ц. 40 к.

Прописи латинскія и греческія—ц. 30 к.

Русская скоропись. Упраженія для развитія свободнаго движенія руки и приобрѣтеніе четкой скорописи—ц. 40 к.

Русскія прописи круглаго шрифта и образцы другихъ болѣе употребительныхъ шрифтовъ—ц. 50 к.

Прописи и образцы для рисованія по клеткамъ, составляющіе необходимое пособіе для самостоятельныхъ занятій учениковъ народныхъ школъ—ц. 10 к.

Уроки чистописанія, составленные согласно указаніямъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта—ц. 20 к.

Русскія прописи, составленныя согласно указаніямъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта—ц. 10 к.

Прямое письмо. Новыя русскія прописи, какъ пособіе для начальнаго обученія въ школѣ и дома—ц. 20 к.

Образцы прямого письма. Пособіе для начальныхъ училищъ—ц. 10 к.

Прописи правописанія. Сборникъ каллиграфически исполненныхъ примѣровъ на важнѣйшія орфограф. правила—ц. 20 к.

Образцы дѣловыхъ бумагъ и писемъ, встрѣчающихся въ крестьянскомъ обиходѣ—ц. 15 к.

Школа чистописанія для самостоятельныхъ занятій учащихся въ школѣ и дома: а) Русскіе образцы косогаго письма въ восьми тетрадахъ. б) Русскіе образцы прямогаго письма въ семи тетрадахъ. в) Французскіе образцы косогаго письма въ двухъ тетрадахъ. г) Французскіе образцы прямогаго письма въ двухъ тетрадахъ. д) Нѣмецкіе образцы косогаго письма въ двухъ тетрадахъ. е) Нѣмецкіе образцы прямогаго письма въ двухъ тетрадахъ. Цѣна каждой тетради 10 коп.

Сочиненія К. Ельницкаго.

Общая педагогика—ц. 75 коп.

Курсъ дидактики—ц. 75 коп.

Основы начальнаго школьнаго воспитанія и обученія—ц. 60 к.

Методика начальнаго обученія отечествен. языку—ц. 75 к.

Очерки по исторіи педагогики—ц. 75 к.

Русскіе педагоги второй половины XIX столѣтія. Для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподав. педагогика—ц. 65 к.

Педагогическая хрестоматія. Для учебныхъ заведеній и занимающихся воспитаніемъ—ц. 1 р. 25 к.

Теорія словесности—ц. 75 к.

Условія успѣшности обученія въ начальной школѣ—ц. 20 к.

Мысли и чувства, выраженныя въ поэтическихъ произведеніяхъ—ц. 40 к.

Воспитаніе и обученіе въ семьѣ и школѣ—ц. 80 к.

Характеристика дѣвочень—ц. 50 к.

К. Д. Ушинскій. Его жизнь, дѣятельность и педагогическіе труды—ц. 25 к.

Инородцы Сибири и Среднеазиатскихъ владѣній Россіи. Учебное пособіе—ц. 1 р.

Обяснительное чтеніе стихотвореній и басенъ, изучаемыхъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—ц. 1 р. 50 к.

Школьное обученіе—ц. 75 к.

Учебникъ законовѣдѣнія для среднихъ учебныхъ заведеній—ц. 75 к.

Преподаваніе педагогики. Веденіе преподаванія педагогики въ VIII-мъ, педагогическомъ, классѣ женской прогимназіи—ц. 25 к.

Обученіе грамотѣ, чтенію и письменному изложенію мысли и грамматикѣ—ц. 75 к.

Изъ записной тетради стараго учителя—ц. 40 к.

Краткосрочные педагог. курсы—ц. 20 к.

Классное чтеніе произведеній, изучаемыхъ въ начальныхъ школахъ—ц. 50 к.

Цѣна 15 коп.

На станціяхъ жел. дор. 20 коп.

